

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя М., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 26 февраля 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021), в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года адвокат С. ненадлежаще, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось:

- в том, что 25 февраля 2020 года он заключил (оформил) с доверителем М. Соглашение об оказании юридической помощи № ..., не указав в предмете поручения конкретные виды юридической помощи, которые он обязуется оказывать своему доверителю М., а указав лишь то, что им осуществляется «составление и обеспечение контроля за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. М.Т.»;

- в получении от доверителя М. вознаграждения в размере 20 000 рублей, не предусмотренного заключенным с ним соглашением об оказании юридической помощи № ... от 25 февраля 2020 года, без заключения к нему дополнительного соглашения;

- в том, что, получив от доверителя М. денежные средства в размере 40 000 рублей, он своевременно (вплоть до 10 августа 2020 года) не внес 40 000 рублей в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Этим же Заключением Квалификационной комиссии адвокат С. признан не исполнившим, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», свои профессиональные обязанности перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по Соглашению об

оказании юридической помощи по уголовному делу № ... от 25 февраля 2020 года, что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении.

Адвокат С. в заседание Совета не явился, заявив ходатайство от 24 июня 2021 года (вх. № ... от 25.06.2021) о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие.

Совет рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося участника, поскольку он извещён надлежащим образом, своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, ранее давал объяснения, а положения п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривают, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Заявитель М. в заседании Совета подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной комиссии от 26 мая 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии заявитель М. согласился в полном объеме и дополнительно сообщил, что он подавал несколько заявлений о преступлении в правоохранительные органы. Первое заявление было подано примерно в 2016 году. Но оно было написано им (М.) самим, не имеющим юридического образования, в связи с чем было непрофессиональным. После этого он обратился к адвокату, который в 2019 году помог составить ему новое заявление о преступлении. Это заявление о преступлении было направлено в различные правоохранительные органы. Оба эти заявления о преступлении были поданы в правоохранительные органы до заключения с адвокатом С. соглашения об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года. Смысл работы адвоката С. заключался не в том, чтобы он подготовил заявление о преступлении, а в том, чтобы он «продвинул» это (уже поданное) заявление в правоохранительных органах. Адвокат С. должен был «продолжить мой иск», «сделать так, чтобы М.Т. привлекли к ответственности», «защищать меня в судах». За допущенные нарушения заявитель М. просит лишить адвоката С. статуса адвоката, поскольку считает, что остался без юридической помощи, которую рассчитывал получить от него.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, заслушав явившегося участника, Совет признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но не соглашается с их правовой оценкой Комиссией в части признания адвоката С. не исполнившим, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», свои профессиональные обязанности перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи по уголовному делу № ... от 25 февраля 2020 года, что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении.

Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

Материалами дисциплинарного производства установлено, что между адвокатом С. и заявителем М. было заключено Соглашение от 25 февраля 2020 года № ... об оказании юридической помощи.

Предмет поручения в соответствии с указанным соглашением был сформулирован следующим образом: *«Составить и обеспечить контроль за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. М.Т.»*.

Согласно п. 2.1 указанного Соглашения *«Доверитель обязуется произвести оплату за юридическую помощь Адвоката по настоящему соглашению в следующем порядке и размере: 20 000 (двадцать тысяч рублей) на карту не позднее 7 марта 2020 года»*.

В соответствии с п. 2.7 Соглашения, *«Оплата, обусловленная Настоящим соглашением, считается отработанной адвокатом при подаче соответствующего заявления»*.

В п. 4 указанного Соглашения предусматривается, что *«при отсутствии оплаты в указанный срок договор считается незаключенным»*.

Фактически вознаграждение по Соглашению внесено в кассу адвокатского образования лишь 10 августа 2020 года в сумме 40 000 рублей, вдвое превышающей вознаграждение адвоката, предусмотренное подписанным заявителем М. и адвокатом С. соглашением.

16 мая 2020 года М. направил адвокату С. смс-сообщение, в котором указал: *«Уведомляю вас, что больше вы не являетесь моим адвокатом и от моего лица и от лица моих компаний не имеете право вести дела. Также я уведомляю вашу юридическую компанию, в том числе и о возврате средств, которые были оплачены ранее»*.

18 мая 2020 года М. направил адвокату С. смс-сообщение следующего содержания: *«Когда мне ждать мои 40 тысяч рублей?»*.

05 июня 2020 года М. направил адвокату С. три следующих смс-сообщения: *«У вас М.Г. председатель юридической компании, как я понимаю, я вынужден обращаться к нему и в другие учреждения за тем, чтобы вы мне мои деньги вернули»; «Буду им каждый час звонить. Хватит, где мои 40 тыс?»; «С Б. и другими клиентами туда поеду»*.

Кроме того, заявитель М. обратился в Коллегию адвокатов «М.» с жалобами от 05 июня 2020 года и от 11 июня 2020 года на действия адвоката С., в которых также заявил требования о возврате адвокатом С. денежных средств, уплаченных по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года.

На основании изложенных выше фактических обстоятельств и учитывая отсутствие каких-либо пояснений по ним со стороны адвоката С., Квалификационная комиссия пришла к правильному выводу о том, что не позднее 05 июня 2020 года М. отказался от заключенного с адвокатом С. соглашения об оказании юридической помощи, направив адвокату С. (в том числе, в адвокатское образование, в котором состоит адвокат С.) требование о полном возврате уплаченного вознаграждения.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами. При этом, в соответствии с пп. 2 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», к числу существенных условий соглашения об оказании юридической помощи относится предмет поручения.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, отмечает, что предмет поручения, указанный в Соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ..., не позволяет четко установить, что именно подразумевалось адвокатом С. под «контролем за прохождением заявления в правоохранительные органы», а также какие виды юридической помощи отвечали бы достижению этой цели.

Неясность данной формулировки привела к расхождению понимания доверителем М. и адвокатом С. предмета поручения. Это неизбежно затруднило бы установление факта исполнения адвокатом С. своих обязательств по заключенному соглашению даже в том случае, если бы юридическая помощь по нему была бы оказана.

Так, в жалобе от 26 февраля 2021 года заявитель М. указывает на то, что вышеуказанный предмет поручения в Соглашении сформулировал адвокат С.

В объяснениях адвоката С. указывается на то, что «существо поручения заключалось в помощи в продвижения в «... ОВД Т.» заявления М. о возбуждении уголовного дела по ч. 3 ст. 159 УК РФ (Мошенничество) в отношении гражданки М.Т., бухгалтера принадлежащей М. фирмы».

Не соглашаясь с такой формулировкой, М. в поступившем в Адвокатскую палату города Москвы 19 мая 2021 года дополнении к жалобе указывает, что предметом соглашения об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года являлось не «продвижение заявления в ОБЭП», а оказание М. юридической помощи, как фактически потерпевшему от преступления, совершенного М.Т.

Совет и Квалификационная комиссия ранее неоднократно отмечали, что требования к форме и содержанию соглашения на оказание юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения (см, например, *Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва, 2004. С. 18*).

Поскольку проявление принципа свободы договора может быть ограничено предписаниями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в связи с тем, что предметом соглашения на оказание юридической помощи является адвокатская деятельность, адвокат должен

избегать включения в соглашение с доверителем условий, допускающих их неоднозначное понимание (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 4, 5, 6 (90, 91, 92). Москва, 2011. С. 22-25, Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 196*).

Заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение вышеперечисленных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое оказывает различного рода услуги неясной правовой природы.

Исходя из этого, в силу взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», обязанность по четкому и недвусмысленному формулированию предмета поручения в Соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ... лежала на адвокате С. Ненадлежащее исполнение им данной обязанности привело к существенным затруднениям в определении содержания юридической помощи, которую адвокат С. должен был оказать доверителю М.

Между тем, правильно установив фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия пришла к ошибочному выводу о том, что адвокат С. обязан был составить заявление о преступлении.

Совет обращает внимание на то, что при неисполнении адвокатом обязанности четко, понятно и недвусмысленно сформулировать предмет поручения органы адвокатского самоуправления обязаны устанавливать фактически согласованный адвокатом с доверителем и необходимый для разрешения возникшего у него правового вопроса предмет поручения с учетом всей совокупности фактических обстоятельств.

В связи с этим Совет считает необходимым проанализировать доводы жалобы и объяснений заявителя М. по вопросу о существовании правовой проблемы, с которой он обратился к адвокату С., и с учётом этого определить действия, которые должны были быть совершены адвокатом С. для оказания М. квалифицированной юридической помощи по ее разрешению.

Из жалобы М. следует, что в отношении него М.Т. совершила преступные действия, в результате которых ему был причинен имущественный вред. Давая объяснения в заседании Совета, заявитель М. уточнил обстоятельства, которые обусловили его обращение к адвокату С. Так, он сообщил, что в 2016 году самостоятельно подавал в правоохранительные органы заявление о преступлении в отношении М.Т. Сведения о рассмотрении этого заявления отсутствуют. Заявитель М. связывает это с тем, что он не обладает юридическими познаниями и, как

следствие, поданное им заявление не отвечало необходимым требованиям. В 2019 году иным адвокатом заявителю М. была оказана юридическая помощь по составлению нового заявления о преступлении, которое вновь было подано в правоохранительные органы. Однако при его рассмотрении со стороны правоохранительных органов была допущена волокита. Как указано выше, заявитель М. считает, что «смысл работы адвоката С. заключался не в том, чтобы он подготовил заявление о преступлении, а в том, чтобы он продвинул это заявление в правоохранительных органах». Адвокат С. должен был «продолжить мой иск», «сделать так, чтобы М.Т. привлекли к ответственности», «защищать меня в судах». Именно об этом он указал и в жалобе, написав, что «адвокат С. не совершил ни одного действия по защите моих прав и законных интересов, не подал ни одного обращения в правоохранительные или другие органы, устно вводя меня в заблуждение, что составляет жалобы и подает их в полицию».

Таким образом, давая оценку предмету поручения в Соглашении об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ..., Совет отмечает, что цель обращения М. к адвокату С. заключалась в преодолении волокиты при рассмотрении уже поданного заявления о преступлении в отношении М. Поэтому предметом поручения следует считать оказание юридической помощи на стадии возбуждения уголовного дела, в том числе путём обжалования действий (бездействия) должностных лиц правоохранительных органов по рассмотрению сообщения о преступлении или уже принятого процессуального решения – постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В связи с этим, Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии в части неисполнения адвокатом С., вопреки предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», своих профессиональных обязанностей перед доверителем М. об оказании ему юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года № ..., что выразилось в несоставлении адвокатом С. в интересах доверителя М. заявления о преступлении. Совет приходит к выводу о том, что в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в получении адвокатом С. вознаграждения в размере, не предусмотренном соглашением об оказании юридической помощи, невыдаче доверителю документа, подтверждающего проведение операции с его средствами, Совет приходит к следующим выводам.

Хотя в п. 2.1 Соглашения об оказании юридической помощи № ... от 25 февраля 2020 года предусмотрено вознаграждение адвоката в сумме 20000 рублей, фактически адвокатом С. по данному Соглашению об оказании юридической помощи получено вознаграждение в сумме 40000 рублей.

Указанные денежные средства были внесены в кассу адвокатского образования 10 августа 2020 года после неоднократных требований М. о возврате денежных средств.

В силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Согласно пп. 4 п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» условия и порядок выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь являются существенным условием соглашения об оказании юридической помощи.

В соответствии п.п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ранее Совет и Квалификационная комиссия неоднократно указывали, что «надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Дисциплинарные органы Адвокатской палаты города Москвы подробно описывали подобные нарушения со стороны адвокатов (невнесение полученных адвокатом от доверителя по соглашению денежных средств в кассу адвокатского образования, а также невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами), что, в частности, нашло свое отражение в пп. 1, 4 Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, вызвавшиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (*Обзор дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы (www.advokatymoscow.ru)*).

Совет в своей дисциплинарной практике исходит из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования, адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения.

Как было установлено Квалификационной комиссией, не позднее 05 июня 2020 года М. отказался от заключенного с адвокатом С. Соглашения от 25 февраля 2020 года об оказании юридической помощи № ... Таким образом, денежные средства адвокатом С. были внесены в кассу адвокатского образования уже после одностороннего отказа доверителя М. от поручения, то есть, вне периода действия вышеуказанного соглашения.

При этом в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства выдачи адвокатом С. доверителю М. финансового документа (приходный кассовый ордер от 10 августа 2020 года № ...) по проведению операции с его средствами в порядке, установленном действующим законодательством. В жалобе заявитель М. указывает на то, что адвокат С. отказался выдать ему «расписку о получении денег, сославшись на занятость». Факт невыдачи М. финансового документа по проведению операции с его средствами не оспаривает и адвокат С., который в дополнительных письменных объяснениях (вх. № ... от 25.05.2021) предлагает заявителю М. доказать полученную им сумму вознаграждения.

Таким образом, Совет приходит к выводу о том, что адвокат С. не исполнил обязанности по внесению денежных средств, полученных от доверителя М. по заключенному соглашению, в кассу адвокатского

образования, а также по выдаче доверителю финансовых документов по проведению операций со средствами доверителя.

Относительно довода жалобы М. о том, что адвокат С., «несмотря на устное согласие», отказывается вернуть заявителю М. неотработанное им вознаграждение, Совет считает необходимым указать на следующее.

Споры о стоимости оказанной адвокатом доверителю юридической помощи дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации не подведомственны, в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. Предметом рассмотрения Квалификационной комиссии и, соответственно, Совета может быть «поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры, неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов адвокатской палаты» (п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов).

Поэтому обстоятельства, связанные с установлением стоимости оказанной адвокатом юридической помощи, не могут быть предметом рассмотрения Квалификационной комиссии и Совета. В случае возникновения разногласий относительно размера гонорара все спорные вопросы между адвокатом и доверителем разрешаются путем переговоров или в суде в гражданско-правовом порядке.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката С. о пропуске срока применения к нему мер дисциплинарной ответственности. Заявитель М. обвиняет адвоката С. в неоказании юридической помощи по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года, в получении адвокатом С. вознаграждения в размере, не предусмотренном соглашением об оказании юридической помощи, невыдаче документа, подтверждающего проведение операции с его средствами. Кроме того, М. заявляет требование о возврате уплаченного адвокату С. по Соглашению об оказании юридической помощи от 25 февраля 2020 года вознаграждения в сумме 40 000 рублей.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 20 апреля 2017 года, утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов, действовавшей до внесения в нее изменений X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 года, меры дисциплинарной ответственности могли быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни адвоката, нахождения его в отпуске, при условии, что с момента совершения им нарушения прошло не более двух лет, а при длящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения)».

15 апреля 2021 года из п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката был исключен абзац 1, предусматривающий, что меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка, при этом в абзац 2, предусматривающий, что меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не

более двух лет, а при ддящемся нарушении – с момента его прекращения (пресечения), какие-либо изменения не вносились.

Поскольку Соглашение об оказании юридической помощи № ... было заключено 25 февраля 2020 года, а прекращено доверителем М. не позднее 05 июня 2020 года путем направления адвокату С. письменного требования о полном возврате уплаченного вознаграждения, оснований для применения к данным правоотношениям недействующей редакции Кодекса профессиональной этики адвоката (в редакции от 22 апреля 2013 года, утвержденной VI Всероссийским съездом адвокатов) не имеется.

Совет также считает, что, поскольку жалоба М. поступила в Адвокатскую палату города Москвы 01 марта 2021 года, то на данные правоотношения распространяются положения абзаца 1 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 20 апреля 2017 года, утвержденной VIII Всероссийским съездом адвокатов, в соответствии с которыми меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка. Этот срок исчисляется с момента поступления жалобы в Адвокатскую палату города Москвы и, соответственно, он на момент принятия Советом решения по дисциплинарному производству не истёк.

То обстоятельство, что ранее заявитель М. обращался с жалобами аналогичного содержания в адвокатское образование, в котором осуществляет свою деятельность адвокат С., юридического значения не имеет, поскольку руководитель адвокатского образования не наделен полномочиями по возбуждению дисциплинарного производства и его передаче на рассмотрение в квалификационную комиссию.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенный им дисциплинарный проступок, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, явное игнорирование адвокатом С. основополагающих правил профессионального поведения. Вместе с тем, Совет принимает во внимание, что адвокат С. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости применения к адвокату С. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

1. Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде

предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось:

- в том, что 25 февраля 2020 года он заключил (оформил) с доверителем М. Соглашение об оказании юридической помощи № ..., не указав в предмете поручения конкретные виды юридической помощи, которые он обязуется оказывать своему доверителю М., а указав лишь то, что им осуществляется «составление и обеспечение контроля за прохождением заявления в правоохранительные органы по мошенничеству гражд. М.Т.»;

- в получении от доверителя М. вознаграждения в размере 20 000 рублей, не предусмотренного заключенным с ним соглашением об оказании юридической помощи № ... от 25 февраля 2020 года, без заключения к нему дополнительного соглашения;

- в том, что, получив от доверителя М. денежные средства в размере 40 000 рублей, он своевременно (вплоть до 10 августа 2020 года) не внес 40 000 рублей в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции со средствами доверителя (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 26 февраля 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков